

ма интернационализма, боевого братства народов. Развитие этой темы в разгар войны — также заслуга Б. Интересны психологически многогранные образы политрука пулеметной роты Джалмухамеда Бозжанова, командира взвода лейтенанта Мухаметкула Исламкулова, красноармейца Абиля Джильбаева, капитана Шилова, лейтенанта Рахимова, рядового Мурина и др. Автор показывает, что истоки победы не только в способности идти на подвиг, но прежде всего в умении воевать, в повседневном ратном труде, подготавливающем и подвиг, и победу.

Книгой зачитывались в тылу, она была в полевых сумках бойцов на фронте, в ней была правда о войне. О повести «Волоколамское шоссе» во Франции писали как о шедевре, в Италии — как о самом выдающемся в советской лит-ре произведении о войне, она вдохновляла строителей новой Кубы, в Финляндии ее изучали в Военной академии.

В послевоенные годы Б. продолжил работу над произведениями об энтузиастах отечественной металлургии. В 1948–49 были изданы книга повестей **«Доменщики»**, повесть **«Тимофей — Открытое сердце»**, сб. рассказов и очерков **«Зерно стали»**. В 1951 Б. публикует повесть **«Новый профиль»**, в 1954 роман о новаторах металлургии **«Молодые люди»** (написан совместно с Н. Лойко). В традициях «Кабинета мемуаров», где сотрудничал Б., было стенографирование бесед с передовиками производства, стенограммы давали материал для лит. обработки. Б. стремится возродить эти традиции, в очерке **«Ваш корреспондент потерпел неудачу...»** предлагает создать при СП Общество изучения жизни, где собирались бы и хранились стенограммы бесед с интересными людьми: «Не есть ли это поистине народная, могучая потребность — рассказать сверстникам и поколениям о нашем необыкновенном времени, о том, что довелось свершить и пережить?» (Бек А. Счастливая рука. М., 1962. С. 167). На документальную основу Б. и опирается при раскрытии психологии технического творчества, на обширный материал, собранный во время поездок в Запорожье, на строительство волжских ГЭС. Документальность лежит в основе и романа Б. **«Жизнь Бережкова»** (1956), который посвящен советскому конструктору мощных авиамоторов, здесь детально раскрывается процесс формирования характера изобретателя, бытие его творческой мысли.

Б. продолжает работать в различных жанрах, публикует предисл. к книге Дитера Нолля «Приключения Вернера Хольта»,

с реж. И. Копалиным пишет документальный киносценарий о Гражданской войне **«Страницы бессмертия»**. Продолжением «Волоколамского шоссе» явились повести **«Несколько дней»** (1960) и **«Резерв генерала Панфилова»** (1960). «Волоколамское шоссе» продолжают переводить на английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, португальский, арабский, еврейский, греческий, финский и др. яз. Тему современности Б. продолжает разрабатывать в романах **«Новое назначение»** (опубл. в 1986), **«На другой день»** (опубл. в 1989), получающих поддержку в печати («Октябрь», «Знамя», «Звезда» и др.). Большой жизненный материал подытожен в романе-записках **«На своем веку»** (1975).

Соч.: СС: в 4 т. М., 1974–76; СС: в 4. М., 1991–93; Жизнь Бережкова. Новое назначение. Кишинев, 1988; На другой день: романы, повесть. М., 1990; Волоколамское шоссе. М., 2000, и др. изд.; Встречи с Твардовским в 1940 году: Дневниковые записки / публ., комм. Т Бек. // Знамя. 2001. № 10.

Лит.: Паустовский К. Книга скитаний. М., 1964. С. 241–243; Грудцова О. Александр Бек: Критико-биографический очерк. М., 1967; Габдилов И. Русские советские писатели и Казахстан. Алма-Ата, 1970. С. 120–135; Симонов К. Сегодня и давно. М., 1974. С. 160; Бек Т. Упорно и непрестанно: Штрихи к портрету // В мире книг. 1980. С. 5; Слова, пришедшие из боя. М., 1980. С. 117–134; Кузнецов М. Советский роман. М., 1986. С. 200–231; Сурганов Вс. И вновь продолжается бой // Лит. обозрение. 1987. № 4; Урбан А. Дела и люди: Вчера и сегодня // Звезда. 1987. № 7; Медников А. Жажды истины. М., 1990. С. 305–318; Лазарев Л. История, отраженная в человеке // Бек А. На другой день: Романы. Повесть. М., 1990. С. 483–496; Соколова Н. Александр Бек, писатель и человек // Вопр. лит-ры. 1995. № 5; Бек Т. «В этой книге я всего лишь добросовестный и прилежный писец»: «Волоколамское шоссе» как путь Александра Бека // Лит. газ. 2000. № 8; Бек Т. «Волоколамское шоссе» как путь Александра Бека // Бек А. Волоколамское шоссе. М., 2000. С. 5–18; Он любил слушать и спрашивать: Воспоминания Александра Бека // Вопр. лит-ры. 2001. Вып. 3; Беляев А. На Старой площади // Вопр. лит-ры. 2002. Вып. 3.

В. А. Шошин

БЕЛОВ Василий Иванович [23.10.1932, д. Тимониha Харовского р-на Вологодской обл.] — прозаик, драматург, поэт.

Родился в крестьянской семье. Учился в школе ФЗО в г. Соколе Вологодской обл., работал столяром, мотористом, электромонтером; после службы в армии (1952–55) работал на заводе в Перми, затем был сотрудником

районной газ. «Коммунар» (Вологодская обл., 1956); с этого времени начал выступать в печати. В 1958 был избран секретарем РК комсомола в Грязовецком р-не Вологодской обл.; в 1959–64 учился в Лит. ин-те им. М. Горького; в 1963 был принят в СП СССР.

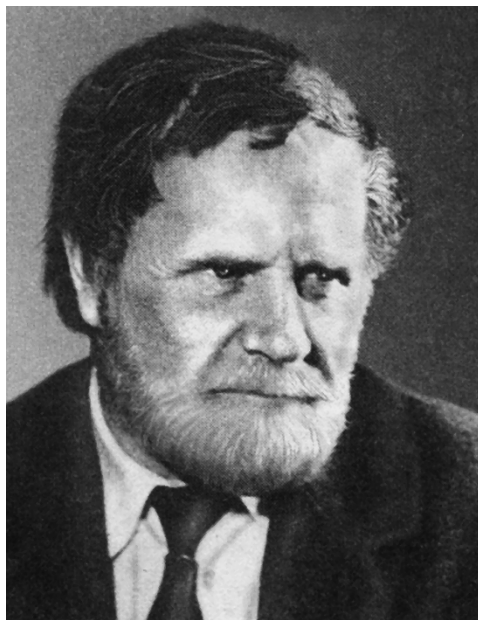
Как и мн. писатели советского времени, рождением и воспитанием связанные с русской деревней, с крестьянством, Б. пережил отход от «почвы» (впрочем, недолгий и недалекий) и возвращение к ней. Этот драматичный, но неизбежный эпизод обогатил его опыт и творчество, придал позже «почвенной» позиции Б. большую прочность.

В даровании Б. первой заявила о себе лирическая стихия; найдя сначала свое выражение в поэзии, она сохраняется и в прозе Б.

Ранние стихи и поэмы Б. несут на себе следы характерных настроений 1950-х (период «оттепели»): душевная возбужденность в пору общественных перемен, пафос дали, новых пространств, поиски подлинно ценного в мире и в себе, с чем связан повышенный тонус существования, жажда движения, героики. В этом русле развивалась массовая поэзия того времени, с которой многообразно перекликаются стихи Б.: «Идет человек от порога, / В тревожные дали идет». Вместе с мн. лириками 1950-х молодой Б. в «святой тревоге», в борьбе, в социальном порыве видит настоящее назначение человека, единственно достойное содержание жизни (стих. «Россия», поэма «Комсомольское лето»). Еще в юности Б. покинул родные места, спеша вырваться из малоподвижного уклада и замедленного темпа сельской жизни к притягательной яркости, ускоренно-разнообразному ритму жизни городской. Шаг этот казался радостным шагом к свободе, к небывалым возможностям; позже в поэме «О чем поет гармонь» Б. скажет о том: «И тогда совсем не горевал я, / Уходя из дому налегке». В «Плотницких рассказах» герой Константин Зорин (наделенный автобиографическими чертами) вспоминает, как он расставался со своей деревней: «...я всей душой возненавидел все это. Поклялся не возвращаться сюда» (Сельские повести. М., 1971. С. 255).

Но очень скоро тяга к «отцовскому краю» становится той господствующей силой, которая определяет судьбу Б. и направление его творчества. Тема «возврата» звучит уже в первом поэтическом сб. «Деревенька моя лесная» (Вологда, 1961). «Слишком много дедовским местам / Мы с тобою, сердце, задолжали» — эта мысль с той поры не оставляет Б.

Путь сердца к родине, к «почве», к дому и земле у Б. не путь сентиментальных воспоминаний, созерцательной ностальгии. Это путь интенсивной худож., языковой работы, в результате которой с 1960-х в книгах Б. воссоздается мир северной русской деревни в ее природных, бытовых, речевых чертах. Эпический по своему наполнению и по способам изображения, этот мир пронизан лиризмом различных оттенков — от скорби, горечи, грусти до нежности и мягкого юмора. В сб. повестей и рассказов «Знойное лето» (Вологда, 1963) картины сельских будней развертываются в том неспешном порядке, который подчинен деревенскому календарю, чреде домашних дел, течению беседы. Реальные подробности жизни деревни воссоздаются в общей сдержанной гамме. Стремясь к достоверности во всем, Б. прибегает почти к документальной точности в обрисовке характеров и нередко превращает рассказ в очерк («Тиша да Гриша»). Наброски знакомых крестьянских типов были уже в стих. «Дед», «Свекровь»; к углубленному осмыслению своих отношений с родной землей Б. впервые обращается в поэме «Белая кровь», над которой писатель работал в 1961. Не случайно отрывок из последней — «На родине» (День поэзии. 1981. М., 1981) — лег в основу написанного впоследствии рассказа «Жолмы». Переход от поэзии к прозе у Б. естествен и по-своему неизбежен.

В. И. Белов

Большая повесть «Привычное дело» (1967) — этапное произведение в творчестве Б.; она стала и заметным лит.-общественным событием. С ее появлением старая тема народа, крестьянства приобрела новую этическую остроту, встали новые вопросы о худож. разработке этой темы. Главное лицо повести, Иван Африканович, колхозный возчик, землепашец, плотник, человек работающий, незлобивый, по всем свойствам своим скорее сливается с крестьянской средой, чем выделяется из нее. Б. не торопится обнаружить внутренние планы этого образа. Повествование движется от внешнего бытового комизма первых страниц к трогательным семейным сценам, затем к драме ухода героя из Сосновки и наконец к последней катастрофе — смерти Катерины, жены Ивана Африкановича. Судьба героя раскрывается автором вглубь, к ее вечным, как земля, основаниям, от которых все получает устойчивость, ценность, красоту: дом, дети, труд, охота, отдых, чувство, поступок и слово. Но когда нарушаются кровные связи с этими основаниями, человек теряет бытийные опоры. Решив уйти из деревни в поисках иной доли, Иван Африканович чувствует, как «что-то надломилось, треснуло в сердце» (Сельские повести. С. 195). И как трагические следствия роковой этой надломленности воспринимаются смерть жены героя, смерть семейной кормилицы коровы Рогули, блуждание Ивана Африкановича в лесу, едва не кончившееся гибелью, хотя события эти как будто вызваны естественными причинами или просто случайны.

Чуткость Б. к скрытому трагизму существования героев присутствовала уже в повестях «Деревня Бердяйка» (1961), «За тремя волоками» (1965).

В более сложных ракурсах эта тема дана в «Плотницких рассказах» (1968). Для повествователя Константина Зорина город давно стал своим; деревенское прошлое отделено от него годами, психологической и культурной дистанцией. Взгляд героя на деревню иногда чуть отстранен, рационалистичен, но его вопреки всему с неодолимой силой влечет к родному дому, к старой деревенской бане, отреставрировать которую он и приехал в отпуск. Как в очищающий поток, он погружается в медлительное существование полузаброшенного села, сходится с односельчанами. Он любовно живописует старого плотника Олешу Смолина, совестливого труженика, мудро, но вместе с тем хитроватозорного в своих бесконечных «росказнях». Только здесь, у себя дома, Зорин ощущает «первобытную, какую-то ни от чего не зави-

сящую основательность мяса и хлеба» (Сельские повести. С. 262); для него «нет ничего лучше в мире прохладного предбанника, где пахнет каленой сосной и горьковатым застенным зноем», пахнет «таящим запахи июня березовым венком <...> родимой древностью» (Там же. С. 318). Но эта почвенная «первобытность» не противостоит высокой культуре: когда Зорин принес в баню приемник и раздались звуки шубертовской песни, он почувствовал, что «в этих естественных, удивительно отрадных звуках не было ничего лишнего, непонятого, как в хлебе или воде; они так просто <...> слились с окружающей, казалось бы, совсем неподходящей обстановкой» (Там же).

Б. ищет возможность гармонической цельности и находит ее в уютном мире «малой родины», где «тихо спят теплые ельники», где от леса веет покоем, тишиной, где так хорошо жить. Однако подобное состояние — редкость и почти недоступно совр. человеку. Оно удерживается в немногих вещах Б. — таких, как рассказ «Бобринский угор», и лишь эпизодически возникает в произведениях 1970–80-х.

Обращаясь к городским сюжетам, Б. обыкновенно застает героя в состояниях дисгармоничных. Герой болезненно переживает недостаток сердечности, любви, простоты в людях, и только неиссякающая пока вера в добро да счастливо сложившиеся обстоятельства позволяют ему не падать духом («Воспитание по доктору Споку», 1974). Рассказ о таком персонаже иногда сжимается у Б. до новеллистического изложения одной коллизии, в которой нравственная острота и психическая напряженность достигают крайней степени («Чок-Получок»). Превосходно владея приемами этого изложения, Б. создает художественно эффектную вещь, но окрашена она в весьма мрачные тона.

Мотив «надломленности» самих оснований крестьянской жизни намечен был еще в «Плотницких рассказах». Рядом с Олешей возникает фигура Авенира Козонкова, бывшего колхозного активиста, до старости не расстающегося с «руководящими» замашками.

Трагическая эпоха коллективизации оканчивается в центре внимания Б. с начала 1970-х. Писатель выходит к новому для него жанру — роману-хронике, создавая «Кануны» (ч. 1–3, 1972–84) и продолжение их — «Год великого перелома» (1989–91) и «Час шестый» (1994–98). По ходу создания романа границы изображения раздвигаются, одновременно суровой становятся краски, более жесткой — кисть.

Коренное крестьянство, представленное в хронике семьями Роговых и Пачиных, делается объектом экономического и политического, а затем и физического истребления. Исполнителями этой невиданной по числу жертв, по социальным последствиям акции становятся тоже выходцы из крестьян — «братья Сопроновы, их подручные». За конфликтом социально-психологическим проступает другая великая драма. Пачины, Роговы — любимые дети земли; Сопроновы — ее пасынки. Они лишены дара любить землю, людей, родину и неизбежно впадают в ненависть, одержимы «белоглазым бешенством». Здесь не борьба классов, политических сил, а непримиримое столкновение «человеческих пород» — противоположных социопсихических формаций. Та из них, которая взяла на себя миссию исторических разрушений, олицетворяется немногими, но очень колоритными персонажами. Изображая их, Б. иногда подступает к тем пределам реализма, за которыми начинается область не эстетических, а физиологических реакций (эпизоды службы Шиловского в ОГПУ).

Если в «Поднятой целине» М. А. Шолохова беспощадная ломка крестьянского уклада представлена как выражение безусловной исторической необходимости и человеку задана задача осознать и принять ее со всем трагизмом момента и оптимистической перспективой, то в хронике Б. такое оправдание трагических судеб крестьянства в эпоху коллективизации не принимается; эпическая мысль писателя ищет смысл происходящего в христианском понимании истории. Знамательно, что в 3-й части «Канунов» безбожник Степан Ключин ночь напролет читает односельчанам Апокалипсис, а Новожил толкует: «Добро станет жить, а жить некому будет, никого христиан на земле не останется...» (Новый мир. 1987. № 8. С. 69). Ольховский священник отец Иринея Сулоев говорит в романе о том, что источник всех нынешних бед в нас самих, отрицавших веру, отрицавших «церковную суть и дух православия». В свете этих идей движется эпос о крестьянстве в третьей части хроники — романе «Час шестой».

Самая оптимистичная, даже праздничная книга Б. — «Лад» (1979). Мир крестьянской общины, семьи, хозяйства, мир работ и досугов, ремесла и художеств, обычаев и языка предстает в идеальном «ладном» состоянии, в каком помнит его история и в каком видит его писатель. Лад порождает правильную ритмичность всего кругооборота земной жизни.

Автор с большим тактом умеет соединить этнографическую точность с нравственной

правдой. Сама его речь — где картинна, где задушевно, где мягко иронична, но всегда крепка, ладна, отчетлива в понятиях и оценках, всегда в ней уместно народное слово.

Новую и непростую задачу поставил себе писатель в романе «**Все впереди**» (1986) — исследовать совр. русскую жизнь, «человеческую породу» в условиях городского смещения наций, традиций, стилей, в столкновении разных нравственно-психологических типов.

Москва — место действия романа — многосложное, противоречивое, но тоже органичное порождение российской истории. В ней еще возможны такие здоровые, сильные натуры, как Дмитрий Медведев, потомок боярского рода по отцу, по матери же — крестьянский сын. Но город обрекает эти натуры на тяжкие испытания. Москва все более подчиняется и подчиняет других противоестественному «машинному ритму жизни», все более уподобляется Вавилону. Деградация личности здесь особенно безобразна, в чем убеждает образ Натальи Зуевой и о чем скорбно размышляет нарколог Иванов — человек и верящий пока в жизнеспособность добра, и одновременно зараженный, как и большинство вокруг, скепсисом и цинизмом. Хотя автору и «жалко Москву» в ее нынешнем состоянии, он не боится ставить неутешительный диагноз городу (и городской цивилизации вообще): торжество «ненасытной гордости голого рационалистического ума» умножает зло, истребляет «уважение к великим человеческим тайнам», утверждает культ технического прогресса, которым «заворожен обыватель». И тогда закономерен вопрос: не призрачны ли надежды на будущее, не иллюзия ли то всегдашнее наше ощущение, что «все впереди»? Вместе с тем роман подводит и к другой мысли: если в этих условиях и осуществимо возрождение человечности, духовных ценностей, то лишь в трудном, но необходимым преодолением урбанистического опыта истории.

Затронутые в романе мотивы переходят в публицистику Б., переплетаясь с основными темами его творчества — темами крестьянства, нравственного самоопределения человека, сохранения природы и национальной культуры. Яркое выражение они нашли в выступлениях Б. в качестве народного депутата СССР (1989–92) и члена Верховного Совета (1990–91), а также в ряде статей и книг: «**Начать с личного самоограничения**» (Сибирь. 1988. № 1), «**Из пепла...**» (Наш современник. 1991. № 4), «**Внемли себе**» (1993) и др. В своей «почвенной» позиции Б. тяготеет к философским и историческим воз-

зрениям И. А. Ильина, чьи избранные работы он подготовил и издал с собственным предисл. (Ильин И. А. *Одинокий художник*. М., 1993). С предельной откровенностью Б. говорит о своем духовном пути: «...мучает меня, что я очень уж долгое время был... воинственным атеистом. Мне и сейчас, конечно, далеко до полноты христианского понимания и всепрощения, но стремлюсь к православной вере. <...> Пока наш народ не обретет Бога в душе своей, до тех пор не вернется и наш русский лад» (**Молюсь за Россию!** // Наш современник. 2002. № 10. С. 6.).

Перу Б. принадлежат рассказы для детей, юмористические миниатюры («**Бухтины вологодские завиральные в шести частях**»), пьесы («**Князь Александр Невский**», «**Над светлой водой**» и др.), киноповесть «**Целуются зори...**».

Б.— лауреат Гос. премии СССР, Лит. премии им. Л. Толстого, награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени.

Соч.: СС: в 5 т. Т. 1–3. М., 1991–93; Избранная проза: в 3 т. М., 1983–84; Лад. М., 1982; Раздумья на Родине. М., 1986; Внемли себе. М., 1993; Вологодские бухтины: Старые и перестроечные. Вологда, 1997; Записки на ходу. М., 1999; Повседневная жизнь Русского Севера. М., 2000; Час шестый: Трилогия. Вологда, 2002.

Лит.: Дедков И. Страницы деревенской жизни // Новый мир. 1969. № 3; Золотусский И. П. Тепло добра. М., 1970; Турков А. Многозвучие мира: заметки о творчестве Василия Белова // Комсомольская правда. 1972. 7 мая; Соловьева И. Жажда гармонии // Лит. Россия. 1973. 22 июня; Роднянская И. Встречи и поединки в типовом доме // Собеседник. Лит.-критический ежегодник. Вып. 3. М., 1982; Селезнев Ю. Василий Белов. М., 1983; Воронов Вл. Худож. концепция. М., 1984; Горбачев В. В. Постижения. М., 1989; «Кануны» Василия Белова: сб. статей. М., 1991; Недзвецкий В. А. Мысль семейная в прозе Василия Белова // Русская словесность. 2000. № 1; Василий Иванович Белов: библиографический указатель лит-ры / сост. Е. Н. Арефьева, Э. А. Волкова. Вологда, 1982.

В. А. Котельников

БЕЛОЗЁРОВ Тимофей Максимович [23.12.1929, с. Камыши Куртамышского р-на Курганской обл.— 15.2.1986, Омск] — детский поэт.

Родился в многодетной крестьянской семье, в 5-летнем возрасте лишился матери. В годы коллективизации семья подверглась репрессиям. Отец был арестован, впоследствии реабилитирован. После освобождения отец с младшим сыном Тимофеем переехал сначала в Усть-Каменогорск и Лениногорск,

Т. М. Белозёров

затем в Омскую обл. В с. Старо-Карасук Омской обл. Б. закончил 7-летнюю школу. Очень хотел учиться, но продолжать образование не было возможности. Чтобы заработать средства к существованию, был столяром, рабочим по очистке железнодорожных путей, лесозаготовителем по найму. С 1948 по 1952 учился в Омском речном училище, затем работал мастером на судоремонтных заводах в Барнауле, Омске. Первая публикация стихов — в ж. «Алтай» (1954). В 1957 издает в Омском книжном изд-ве первый сб. стихов для детей «**На нашей реке**». Тема сибирской природы, труда, связанного с ее освоением, стала основной в творчестве Б., давая ему возможность быть одинаково внятными и для детей, и для взрослых.

С 1957 по 1963 учился на заочном отделении Лит. ин-та им. Горького, в 1962 стал членом СП СССР. После окончания Лит. ин-та занимается лит. творчеством, сочетая его с широкой общественной деятельностью: с 1965 по 1967 был депутатом Омского горсовета, с 1967 по 1970 — уполномоченный Литфонда СССР по Омской области, в тече-